

ИНТЕРВЬЮ 09.10.2019

Российская мечта

Авторитаризм, подавленное общество – традиционные представления о России. По мнению Райнхарда Круммы, в реальности все выглядит иначе.

Читайте это интервью на немецком языке

Интервью вела Клаудия Детч

Вы назвали свое эссе о российском обществе и его отношениях с государством за последние 300 лет – «Российская мечта». Какая же она, российская мечта?

Мечта россиян менялась в течение столетий, что, наверное, происходило и в любой другой стране. Не стоит забывать, что американская мечта о социальных лифтах было сформулирована лишь в 1930-е годы. К тому же расслоение российского общества произошло довольно поздно, еще в первые годы существования Советского Союза в нем преобладало сельское население, то есть крестьяне. Такое положение изменилось вследствие форсированной индустриализации, переезда сельского населения в города и потребности в расширении системы управления.

После Второй мировой войны, прежде всего после так называемой оттепели в начале 1960-х годов, люди хотели мирной жизни и скромного достатка, состоящего из квартиры, автомобиля и, возможно, даже дачного участка. За такими всем нам понятными желаниями всегда следовало стремление к свободе, которая не ограничивается там, где начинается свобода других людей, то есть к анархической свободе. Примечательно, что государство с этим мирилось, если отсутствовали политические амбиции. Такова отличительная особенность российской мечты.

В какой степени исторический опыт и надежды этих 300 лет и поныне определяют облик российского общества?

Российское общество намного более индивидуально, нежели мы

все обычно думаем. Это обусловлено осознанием того, что человек в принципе должен рассчитывать только на себя, невзирая на все попытки государства пропагандировать идею коллективного сосуществования. Российские ученые говорят даже об атомизации, то есть разобщенности индивидуумов и отсутствии солидарности.

Этот опыт проистекает из российской истории, но проявился с новой силой в тяжелые годы переходного периода после развала Советского Союза. Наверное, не найдется ни одной семьи, которой не коснулись бы социальные ограничения. Чтобы преодолеть возникшие тогда вызовы, приходилось рассчитывать на собственные силы и возможности. В первое время государство практически ничем не помогало, ибо в таком положении вряд ли какое-либо государство было бы в состоянии делать это.

На Западе довольно распространено мнение о том, что отношения между российским обществом и российским государством характеризуются ярко выраженной асимметрией, общество при этом находится практически в угнетенном состоянии. Как с вашей точки зрения можно охарактеризовать отношения между обществом и государством в сегодняшней России?

Я также длительное время пребывал в плену представлений о двойственном облике России. Но теперь считаю, что такое противопоставление в недостаточной степени отражает эти отношения. Чем в противном случае можно объяснить героизм, проявленный гражданами при защите своей страны в двух войнах, заложивших основы идентичности: войне между Россией и Францией в XIX, а также между Россией и Германией в XX веке?

Обществу известны главные слабые стороны российского государства. Но оно развивается в рамках параметров, заданных ему государством. Замечу, что так поступают не все. Это мы можем наблюдать в наши дни, причем не только в Москве. И государство крайне обеспокоено, так как в его распоряжении в XXI веке не имеется тех инструментов подавления, которые существовали в предшествовавших столетиях. И все же большая часть граждан демонстрирует сдержанность.

Российское общество считается в основном пассивным, не протестующим против своего авторитарного руководства. Имеет ли право на существование такой очень критический взгляд, если посмотреть на положение вещей более пристально?

Причиной, вызывающей возмущение в обществе, является не

стиль руководства государственных институций, а социальное обеспечение – вторая характеристика российской мечты. Я имею в виду такие классические социальные услуги, как медицинское и пенсионное страхование. Положение в обеих этих областях за прошедшие годы улучшилось, однако прогресса так и не удалось достичь. Это, кстати, касается и большинства государств в Центральной и Восточной Европе.

В России все громче раздаются требования об участии общества в политических процессах, но их масштаб не позволяет поставить под сомнение структуру российского государства. К тому же на внешнеполитическом уровне страна демонстрирует позицию, согласно которой тесная связь с Западом перестала быть безальтернативной. Этому, естественно, сопутствует и неясность, царящая в обществе в связи с исчезновением четкой модели Запада времен холодной войны.

Вы пишете, что понятие нового времени перестало быть сугубо западноевропейским. Какое же представление о модернизации сложилось к настоящему времени у россиян?

Как минимум государство ориентирует Россию на Восток, в сторону Азии. Дальневосточные регионы особенно высоко ценят торговлю в этом направлении. Таким образом, Россия пытается уйти от вечной дилеммы так называемого наверстывания отставания в области модернизации, то есть больше не пытается следовать ориентированной на Запад модели модернизации. Удается ли ей это сделать, сомнительно, ведь ее экономика далеко не столь успешна, как в азиатских странах.

Российская мечта об индивидуальной свободе при неизменной позиции в вопросе гарантированных государством социальных гарантий держится на неофициальном общественном договоре: государственные гарантии в социальной сфере, а также терпимость в отношении свобод (которые скорее необычны для авторитарного общества) в обмен на гарантии со стороны общества соблюдать политическую сдержанность. Ключевой вопрос заключается в том, сможет ли такая договоренность действовать и в XXI веке.

Райнхард Крумм

Вашингтон

Д-р Райнхард Крумм (Reinhard Krumm) возглавляет представительство Фонда им. Фридриха Эберта в Вашингтоне. Ранее он возглавлял представительство в странах Балтии в Риге, Региональный офис для Сотрудничества и Мира в Европе (ROСРЕ) в Вене, был руководителем отдела Фонда по Центральной и Восточной Европе в Берлине, а до этого - главой представительств в Центральной Азии и России. Он писал для многих немецких СМИ, в том числе был корреспондентом Deutsche Presse Agentur и Der Spiegel.

